

Я могу всё. История жизни

Автор:

Антон Достоевский

Я могу всё. История жизни

Антон Достоевский

Герои новеллы – два друга Джон и Шарлиев. Они представляют перспективную российскую молодежь нашего времени. Наблюдая с детства, как многие люди несчастны и ограничены, как неосознанно живут, друзья приходят к мысли, что государства мешают развитию человека. Они решают поменять мир, создав свое общество космополитов. В новелле раскрывается альтернативная реальность тому, что происходит сейчас. Получится ли у двух друзей создать государство Земля, вы узнаете, прочитав «Я могу все».

Я могу всё

История жизни

Антон Достоевский

Редактор Юрий Минаев

Редактор Иван Баерсдорф

© Антон Достоевский, 2018

ISBN 978-5-4490-2192-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

Часть 1

Август 2009 года

– Привет, меня зовут Шарлиев. А тебя? – бодрым голосом представился мальчик четырнадцати лет.

Он выглядел худощавым и носил на руке новый браслет с драконом, на который время от времени посматривал. Его звали Тимур, но он любил, когда его называют по отцовской фамилии. Мальчик очень гордился своим папой и практически боготворил его.

– Я Джон, – ответил тихо толстоватый паренек, который был выше первого на голову, но чуть младше по возрасту.

Он был одет в большую майку и носил кепку на голове, по своему обыкновению в тот момент он ел пирожок.

– Ты впервые в этом лагере?

– Да. А ты? – переспросил тот с набитыми щеками.

– Джонни! Я положила тебе два чистых полотенца и на всякий случай рулон туалетной бумаги, – прокричала из машины его мама, ненадолго прервав их разговор.

– Спасибо, мам, пока! – ответил Джон, дожевывая свою плюшку.

Родители уже сели в машины и постепенно отъезжали от базы отдыха, сигналив на прощание своим детям. Охранник закрыл железные ворота, а организаторы

отдыха повели ребят на территорию пансионата «Сверчок». На той базе отдыха был сквер, где изредка прогуливались пенсионеры, отдыхающие там, то по одному, то под ручку с женами. Там была просторная аллея с лавочками, в центре которой стоял памятник Ильичу. Детей построили в шеренгу. Перед ними стояла группа педагогов, которые приехали на преддипломную педпрактику от педвуза в роли вожатых.

– Итак, ребята, Ваши родители могут не волноваться! – сказала молодая девушка в красном шейном платке. – Здесь вы проведете свои лучшие каникулы! Наш лагерь – чудесное место! Вы в этом обязательно убедитесь, а сейчас мы пойдем в корпус, где расселимся по комнатам. Скажите обязательно нам, если кто-то хочет жить вместе.

Идя по территории дома отдыха, вся группа подростков постепенно разделилась на несколько частей, каждая из которых направилась к своему корпусу. По всей территории висели небольшие колонки, в которых играла старая бодрая музыка. Ребята уже постепенно начинали знакомиться между собой, как гром гремели колесики их чемоданов по старому асфальту.

– А ты откуда, Джон? Странное у тебя имя, – сказал Шарлиев.

– Я англичанин, но родился здесь. Мои предки когда-то переехали жить из Англии в Москву, а чтобы это не забыть, у меня в семье специально оставляют английские имена, – рассказывал паренек.

– Ух ты! А ты знаешь английский? – спросил тот.

– Нет, но очень хочу его выучить. Скажи, а у тебя имя есть? Шарлиев – это ведь фамилия, – поинтересовался Джон.

– Есть, Тимур, но меня все по фамилии называют. Не переживай, – он махнул рукой и улыбнулся.

– Я буду звать тебя Шарли, ты не против? – он посмотрел на друга.

– Не против, мне так даже больше нравится! – усмехнулся Тимур. – Как будто я француз, а ты англичанин. Это круто! Давай вместе жить?

– Давай, – ответил тот и достал из кармана печенье.

– Будешь есть? У нас же обед скоро, – сказал Шарлиев.

– Ну я просто есть хочу уже, – ответил тот и начал жевать всухомятку.

Ребят к тому моменту уже их привели в корпус. Это было белое трехэтажное здание с балконами и зеленой входной дверью. Внутри висели пожелтевшие большие часы, на полу лежали протоптанные коврики с узорами. На ту смену в лагерь приехало человек 60, среди которых были ребята и девочки разных возрастов: от 12 до 16 лет. Вокруг царил советская атмосфера: союзные гербы, каменные корпуса, скрипящий деревянный паркет.

По их просьбе, двух мальчишек поселили в одной комнате. Они открыли дверь, которая со скрипом сама закрылась. Чемоданы сразу поставили каждый к своей кровати. Из интерьера был холодильник, куда Джон положил колбасу и сушки, две койки, на которые ребята кинули свои вещи с дороги и неработающий старый телевизор. Иногда в лагерях их специально отключают, чтобы дети могли насладиться жизнью без подобных городских атрибутов, но тот телевизор просто не работал.

– Общий сбор около входа! – прокричал кто-то из старших в коридоре.

– Что это значит? – спросил друга Джон.

– Пойдем, нам расскажут, что мы будем тут делать! – бодро ответил Тимур и взял кепку из сумки.

– А! Выходить уже? – переспросил Джон.

– Да, идем, бери ключ.

Детей позвали на общий сбор. Вожатые змейками выводили группы подростков, которые кричали, смеялись и всячески показывали свою радость оказаться вне дома с родителями, а среди себе подобных. Было солнечно. Всех привели в один из корпусов, в котором располагался актовый зал. В этом помещении пахло стариной, на сцене висел пыльный бардовый занавес, который, видимо, повидал

многое. Стулья были отремонтированы, но по их внешнему виду можно было сказать, что и им не один десяток лет. Участники расселись по местам, зал оказался заполнен едва наполовину.

– Здравствуйте, ребята! – сказала крупная женщина в объемном сарафане, стоящая на сцене.

Рядом с ней стояли вожатые в красных платочках.

– Мы приветствуем всех вас на нашей базе отдыха! Разрешите представиться, меня зовут Марина Геннадьевна, я заведующая лагерем, – сказала она сильным командным голосом и прокашлялась.

– Курит, видимо, – хихикнул парень, сидящий рядом с Шарлиевым, чавкая жвачкой, и все, кто услышал это, тихо засмеялись.

– Ведите себя хорошо, – продолжала она, – и слушайте своих вожатых, мы уже распределили вас на отряды. Хорошего вам отдыха! Ну все, я пойду работать, а ваши вожатые, вот они, кстати, стоят, – указала рукой она на группу молодых людей, – сами вам представятся и назовут, кто у кого в отрядах. Всего вам доброго! – договорив, она спустилась со сцены и, не спеша, направилась к себе в кабинет.

– Минутку внимания, – громко сказала учительским тоном одна из вожатых и снова все затихли. – Меня зовут Аня! Я ваша вожатая и сейчас каждый из нас огласит списки своих отрядов пофамильно. Так что слушайте внимательно! Итак, со мной в отряде эти три недели будут: Романов, Жигалова, Шарлиев, Хопкинс, Снегирева... – перечисляла вожатая фамилии из своего отряда.

– Отлично! Мы и здесь будем вместе! Дай пять! – сказал Шарлиев и растекся белоснежной улыбкой на все лицо.

Закончив, она передала слово следующим вожатым, и те сделали то же самое. В конце знакомства один из вожатых вышел на середину сцены.

– Ребята, очень важный момент! – сказал он. – В этот раз в лагерь приехало ровно 62 человека! Здесь у нас действуют неукоснительные правила! Если их

кто-то нарушит, то моментально будет вызван к заведующей на разбирательство! А она у нас строгая! – обернулся он к водителям, и те ехидно захихикали.

Правила лагеря оказались донельзя скучными и общепринятыми в любом цивилизованном обществе. Однако все понимали, что их не будут выполнять по всей ответственности, пока кто-то не будет пойман с поличным. Огласив все правила, водители выпустили зазевавшихся подростков на улицу на полчаса перед обедом. На выходе из корпуса Джон стал отправлять маме сообщение, что все в порядке.

– Ха! Это что у тебя, пейджер? Да ты продвинутый! – спросил один из подростков, увидев Джона.

– Да, – ответил тот задумчиво набирая сообщение.

– А что такое? – подошел Шарлиев.

– А ты что лезешь, тебе лет-то сколько? – огрызнулся тот на него.

– Четырнадцать, – сказал с недоумением тот.

– А мне 16. Так что отдохни, – оттолкнул тот Шарлиева.

– Не трогай его! – сказал Джон. – Он мой друг.

– А что... а что если трону? Маме своей напишешь по пейджеру? – ответил старший, неумело прикурив сигарету, и начал отдаляться с компанией своих знакомых, дав кому-то из них подзатыльник. – Еще увидимся, толстый и тонкий! – прокричал он.

– Дроган! А ну-ка подойди ко мне сюда! Быстро, я сказала! – закричала одна из водителей, увидевшая сигареты у подростков, чем спровоцировала их бегство.

– Вы не слушайте их, они постарше, вот и задираются, – подошла миленькая и улыбкавая представительница работающего в лагере педотряда. – Наша цель – научить вас всех уважать друг друга и ценить...

Дальше Шарлиев и Джон перестали слушать, как и свойственно мальчикам в их возрасте. Они одновременно понимали, что этому парню надо как-то отомстить. Пока не было ясно как. Они направились прогуляться по территории.

- У тебя что, и правда пейджер? - спросил Тимур.

- Ну да. А что, его и разбить не жалко. Мама дала, чтобы я на связи был, - сказал Джон и опять достал что-то пожевать.

День пролетел быстро, хотя участники лагеря почти ничем особым и не занимались. Вечером их ждала дискотека.

- Ты не сказал, ты тут первый раз или как? - спросил Джон, поедая бутерброд с колбасой.

- Я два раза тут уже был, но никого не помню, - сказал Шарлиев, надевая черную рубашку. - Одну вожатую помню, но не точно. На дискотеку идешь танцевать?

- Не знаю, давай сходим, но я не люблю дискотеки.

- Почему? - спросил Тимур.

- Я не умею танцевать, - ответил тот и засмутился.

- Хочешь, я научу, это легко! Смотри, встаешь так...

Шарлиев взял под руки товарища и стал показывать, как танцевать с девушкой медленный танец.

- Я знаю, что можно и по-другому, но я видел, на свадьбах так все танцуют.

- Так, мы выходим на дискотеку... - вошел один из старших. - Ох, мальчики, да вам уже не надо на дискотеку? - язвительно сострил юный педагог.

Парни моментально покраснели и разошлись. Он усмехнулся, закрыл дверь и ушел дальше созывать народ на танцы.

- Эй, Кать! Не поверишь, что я тебе расскажу! - слышалось из-за двери.

- Черт, это провал. Теперь все будут думать, что мы того, - удрученно заметил Шарлиев.

- Да уж, - напористым голосом сказал Джон, - не надо было! Нам тут три недели еще обитать, а мы уже опозорились.

- Никогда не сдавайся. Мне так отец говорил, - сказал Шарлиев, - дожевывай свой бутерброд, надень что-то нормальное, рубашку, может, и пойдем посмотрим, как там.

Ребята вышли из номера на мероприятие. Уже смеркалось. Стоял теплый вечер. Сверчки начинали стрекотать, что добавляло немного сельской атмосферы, но, несмотря на это, все подростки, преимущественно прибывшие из Москвы, расфуфыренные и надушенные, подходили к актовому залу, где и должна была начаться дискотека. Войдя внутрь, они обратили внимание на едкий запах старого дерева, который врезался в нос каждому, кто входил.

- Вот это совдеп! Ну и вонь! - сказал Шарлиев.

- Это что?

- Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Эпоха такая была. Я про нее читал, - ответил Шарлиев.

- Ты умный, - сказал Джон и смущенно улыбнулся.

- Уже заигрываем, голубки? - вышел из-за угла Дроган с компанией.

- А тебя уже наказали за нарушение правил? - попытался в ответ съязвить Джон.

- Да для меня не существует правил, мелкий. Я уже 5-й раз в этом лагере, - снова чавкая жвачкой, произнес он.

- Будьте осторожны сегодня ночью, - сказал один из подошедших за Дроганом старших. После этого они, расхохотавшись, направились в другой конец зала к кучке ярко покрашенных подружек.

- Что они задумали? - спросил Джон.

- Думаю, они хотят прийти и намазать нас пастой или еще какую свинью подложить, - ответил Шарлиев.

- И что нам теперь делать? Ведь они старше и больше нас, - заметил Джон.

- Сила не в силе, а в уме. Или как-то так. Ну суть ты понял, - сказал твердо Тимур.

- Это кто сказал? - спросил он.

- Мой отец. А что?

- Ты постоянно будешь говорить, как он? - хлопающими глазами спросил его друг.

- Нет, просто он был моим родным стариком, всегда и всюду меня всему учил, - ответил Шарлиев, - таких больше нет.

- С ним что-то случилось?

- Он был моряком, а однажды ушел в море и не вернулся, - скорбно говорил мальчик.

- Прости, - извинился тот.

- Ничего.

Они решили зайти в туалет, чтобы умыться и сделать свои дела. Даже там пахло нехарактерно для уборных, а стоял аромат старого лакированного дерева. Этот запах был просто повсюду. Стены уже дребезжали от громкой музыки в стиле сельских дискотек. Вернувшись в зал для танцев, двое увидели веселившуюся толпу ребят, а в стороне парочку подружек, которые посматривали на них и улыбались, переглядываясь между собой.

- Они красивые, - сказал Джон. - Но я к ним не буду подходить.

- Почему? - спросил Тимур.

- Постоянно потеют руки, когда я волнуюсь, - ответил тот.

- Я знаю один прием, дружище, - ответил он, - пойдем покажу. Они вернулись в уборную, где Шарлиев взял туалетную бумагу и свернул ее в комочек, а потом сделал такой же второй.

- Если потеют руки, то можно сделать такие два комка и положить их в карманы, —сказал он.

- И зачем это делать? - спросил с усмешкой Джон.

- Да для того, чтобы салфетки впитали пот с твоих рук, - ответил тот.

- О! Это же гениально! - воскликнул Джон и схватил два комка бумаги. - Это тоже папа?

- Да. Пойдем, там уже первый медляк начался, нельзя теряться, - сказал Тимур и предложил товарищу жвачку. Они вышли из туалета.

В зале находилось много людей, и возле тех двух девушек кружила компания из старших. Скорее всего, им предлагали станцевать, а те явно отказывались, мотая головой. Ребята решили выждать момент, пока постояв в стороне. Спустя полчаса поставили опять медленный танец.

- Это наш шанс, я беру на себя светлую, а ты брюнетку, - проговорил уверенно Шарлиев, и они пошли к девчонкам. Вдруг будто из воздуха появилась та

компания ребят.

- Что, это мы опять целовались за углом? – спросил один из них.

Шарлиев прикусил нижнюю губу и со всей мочи врезал ему по лицу. Тот упал. Дискотека закончилась.

Спустя пятнадцать минут Джон и Шарлиев сидели у директрисы в кабинете, где стоял рабочий стол, какие-то горшки с цветами и пахло сигаретами. Ее на месте пока не было. С ребятами сидела их вожатая Аня и страшно тряслась. Это была ее первая смена, и она не могла понять, как перестать зевать от волнения. Послышались громopodobные шаги по коридору.

- Ну что, дорогуши, доигрались? – начала еще из-за двери директриса. – Я уже устала повторять, – она села за свой стол, скрипнув старым стулом, и закурила невероятно вонючие сигареты, – что правила для всех одни! Никаких драк! А ты где была, Аня? – спросила она вожатую.

- Я была в номере, – отрывисто сказала Аня, прикрывая засос на шее.

- А кто за детьми следил на дискотеке? – спросила директриса, затягиваясь.

- Наверное... Женя... – волнительно промямлила та.

- То есть ты не знаешь? Как же так?! Так вот почему я в десять вечера, вместо того чтобы смотреть свой сериал, должна сидеть и выяснять, что произошло? – гневно кричала она. – Знаешь, Аня, это первое и последнее предупреждение! Я вас тут держу не для того, чтобы вы развлекались, а за детьми смотрели! Все ясно?!

- Да, я все поняла. Этого больше не повторится, Марина Геннадьевна... – ответила она.

- Вот и славно! Я же тебя уволю, Аня, и твоя помощь институту не зачтется. И сессия твоя незакрытая так и останется незакрытой. А теперь идти всем спать! Бегом я сказала, – скомандовала та, и все трое, подпрыгнув, вышли из ее кабинета. Заскрипела старая тяжелая дверь, и Аня нервно вывела ребят

из корпуса.

– Еще раз вы кого-то пальцем тронете, – начала она, – я вас выставлю к родителям обратно в Москву! Ясно?! Мне тут проблемы не нужны из-за вас! Бегом в корпус!

Они распрощались.

– Ну вот. Такой у нас лагерь, дружище, – сказал Шарлиев, пока они шли по тропинке аллеи к корпусу. – И хрен знает, что он вообще воспитывает в детях. На нас еще и обидеться все могут за сорванные танцы.

– Да я это понимаю, – сказал Джон, – это жизнь. А круто ты его отделал на дискотеке-то. Научишь?

– Спасибо. Попробуем, компаньон, – улыбнулся Шарлиев и толкнул друга легонько по плечу. Ребята пошли в номер.

– Кстати, нам еще надо придумать, как проучить ночных шутников. Не забыл? – напомнил тот, закрывая дверь.

– Но как? Нам проблемы не нужны. Я не хочу в Москву, – ответил Джон, разбирая постель.

– Придумаем что-нибудь. Надо умыться. Ты пока отдохни, – бросил Тимур и зашел в ванную.

Вечер продолжался, за окнами номеров по всей территории пансионата было тихо. Пахло соснами, и пели сверчки. В номерах горел свет, девочки обсуждали дискотеку и новые знакомства, а мальчики пытались перебить запах курева перед вечерней проверкой. Никто и не думал держать зла на друзей за прерванную дискотеку, потому что это был только первый день, и все еще толком не были знакомы. Начиная с первого дня около одиннадцати часов весь вожатский состав проходил по корпусам и смотрел, все ли на месте. Участников спрашивали про место и нравится ли им еда в столовой. Они также разносили булочки с кефиром в качестве пайка перед сном.

– Всем спокойной ночи! Бегом чистить зубы! А ты почему еще не помылся? – слышалось из коридоров.

Через полчаса все стихло. Ночь прошла спокойно. Уже утром все узнали, что Аню директриса все-таки отправила домой, застукав ее на подъеме мирно свернувшейся в комочек в постели у другого вожатого, которому потом и отдали отряд уехавшей Ани. Тот день выдался жаркий, народ обливался из надувных шариков, бегая повсюду. На жаре летали слепни, где-то рядом слышался шум электричек. За два часа до обеда всех повели купаться на речку, чтобы уборщицы перестали ругаться на мокрые полы в корпусах. Дети начали играть в подвижные игры вроде волейбола. Конечно, в рамках того, насколько волейбол получался у подростков.

Та речушка находилась недалеко, была небольшая и отлично освежала в жаркие дни. Находясь на пляже, парни обращали внимание на девочек, а девочки загорали, слушая кассетные плееры. Кто-то играл в бадминтон. Вожатые топили друг друга в реке. Директриса тоже была рядом и постоянно кого-то отчитывала за курение или отсутствие головного убора. Она сильно заботилась об этом.

Подойдя к воде, Джон снял штаны, под которыми были плавки.

Он ходил в майке по пляжу и изредка покупал мороженное в местном ларьке.

– Пойдем купаться, Джони! – предложила одна из подружек с дискотеки. – Тебе не жарко в этой майке?

– Я быстро сгорю, мне так мама говорила всегда, чтобы я не снимал майку на пляже, – ответил он, слегка измазавшись в мороженом.

– Да! Пойдем купнемся, хватит сидеть на пляже! – продолжал начатую тему Шарлиев.

– Я с вами, – сказали еще несколько симпатичных девчонок, и Джон уже никак не мог им отказать.

Он со скорбью отдал мороженное псу, которого Марина Геннадьевна подкармливала, ожидая, что однажды он ее защитит от злоумышленников,

но тот был крайне пугливой дворнягой, затем снял майку и пошел купаться с ребятами.

– А ты сильный, – сказала одна из девочек Шарлиеву. – Я видела, как ты вмазал этому хаму.

– В смысле хаму? – смутился Джон, заходя в воду.

– Да он уже достал нас приставать с глупыми вопросами. Постоянно пошлые шуточки, смех идиотский. Мы тут в первый раз, а уже встречаем каких-то неадекватных... – сказала она, и девочки рассмеялись.

– Вот оно как. Ну, значит, правильно ему досталось, – сказал Шарлиев и нырнул в воду с головой.

– Эй, силач! Шарлиев! – закричал в тот момент один из старших с берега, стоявший рядом с Дроганом. – На турник слабо с нами пойти, а? В лесенку сыграем.

– А ну не отрывай их от купания, Степанов! Не задирайся! А то все отцу расскажу, – прокричала командным голосом директриса и продолжила убаюкивать своего четвероногого друга.

– Да я и сам хотел туда пойти, Марина Геннадьевна, все в порядке. Пойдем, Джонни-бой. Это дуэль. Ни шагу назад, – улыбнулся Тимур и вышел из воды.

Они подошли к турнику. Старшие уже подтягивались. Дроган стоял с ухмылкой, но сам ничего не мог сделать, рассказывая всем, что на днях выбил плечо и не мог подтягиваться, чтобы не навредить себе. Как это иногда бывает.

– Теперь твоя очередь, как тебя там, Ширшиев? – сказал один из них.

К турнику стали подходить компании других ребят и девчонок.

– Шарлиев меня зовут. Ты не сказал, сколько надо подтянуться.

– А просто так не можешь, слабо? – поддел его Макс, стоя недалеко.

Тем временем у турника собрался аншлаг посмотреть на перепалку между старшими и новичками.

- Ты не знаешь, о чем говоришь. Сила ничего не решает! – попыталась защитит Шарлиева одна из девочек, но тут же встретила насмешки в свою сторону.

- У! Смотрите, как сальцо-то засияло. Пирожки аж видны! – закричали подростки, указывая на двоих, и большинство присутствовавших засмеялось.

- Давай уйдем, Шарли, – предложил ему Джон.

Он смотрел с жуткими глазами на друга.

- Помнишь, я про папу рассказывал? – шепнул тот другу.

- Ну да.

- А помнишь, что я тебе сказал перед дискотекой? – только договорил Шарлиев и мигом оказался на перекладине, сделав выход на две.

- Никогда не сдаваться... – тихо проговорил, удивившись, Джон.

Тут все до единого затихли. Было слышно, как поют птицы и журчит течение реки. От такой резкой тишины Марина Геннадьевна встала с лежака и подошла к перекладине, на которой Шарлиев отжимался уже седьмой раз, словно прирожденный гимнаст, а затем с легкостью сделал офицерский выход.

- Батюшки, Тимур! Это кто тебя так научил? – спросила она.

Шарлиев спрыгнул, отряхнув руки, и, как профессиональный актер, сказал: «Можно расходиться», – с суровым выражением лица. Кто-то даже захлопал: шоу было завершено. Джон восхищался увиденным. Он впервые обрел такого друга. Каждый день, проведенный с Тимуром, приносил ему все больше уверенности в себе. Первые дни летели быстро, и ребята уже начали общаться с новыми знакомыми из разных компаний и примерно понимали, кто есть кто. В один из дней к ним подошел Макс.

- Эй, Шарли, - обратился тот, - нужно поговорить.

- Меня только Джон так называет, - с ходу осадил его Тимур.

- Ладно, не суть, пойдём отойдем, - они отошли от столовой, откуда тогда выходили с обеда.

- Дело вот в чем, пара девчонок хотят встретиться с вами. Наедине. Ну ты понимаешь зачем, - хитро проговорил тот, подмигивая.

- Я тебя видел раньше, но, может, ты представишься мне еще раз? Как тебя зовут-то вообще? - спросил Шарлиев. - И с чего мы должны тебе верить?

- Я Макс Дроган. Слушай, зачем мне врать, а? Вы же славные ребята. Я это сразу понял, - объяснял тот.

- А почему они тогда сами не подходят? - перебил его Джон.

- Слушай, ты вообще с девушками-то общался, а? Они же стесняются, дружище! Вы мне понравились, вот я и хочу вам помочь все устроить. Ну понимаете. Так что думайте сами.

- Если так, то пусть приходят сегодня к нам в номер, мы в 14-м живем, - сказал Тимур насторожившись.

- Я передам. Супер! А я пошел. Меня не должны видеть с вами, - проговорил тот и начал уходить к другому корпусу.

- Увидимся, Макс. Спасибо, - сказал тому в след Джон, и они тоже направились в номер.

Начался тихий час, и всех ребят разогнали по номерам. У кого-то работал телевизор, кто-то слушал музыку, кто-то бегал тайком курить.

- Что ты думаешь об этом Максе, Джонни? - спросил того Шарлиев. - Думаешь, он говорит правду?

- Думаю, да, ну а какой смысл ему врать? – ответил Джон, ковыряя в носу.

- Может, он хочет многоходовочку какую-то провернуть. Не думал об этом? – спросил тот.

- Думаешь?

- Ладно. Пораскинем потом над этим, – сказал Шарлиев и отвернулся на бок вздремнуть.

После полдника грянул гром и началась гроза с проливным дождем. Все, кто были на улице, побежали в корпус. Играя в настольные игры на первом этаже в холле и выжидая окончание ливня, один из подростков заметил что-то в окне.

- Смотрите! Это Шарлиев и Джон бегут! Голые! А там ливень стеной! – закричал паренек небольшого роста, облокотившись на подоконник.

Буквально весь лагерь с изумлением обернулся и увидел, как двое друзей хохочут и бегут в чем их мать родила по территории пансионата. Кто-то, кстати, и выбежал к ним, сбросив одежду, но, понятное дело, то были мальчишки. Все, кто видел происходящее, смеялись и восхищались самоотверженностью ребят. Окна выходили на сосновый бор, по которому голыши бегали кругами, держа руки на причинном месте. Сделав пару кругов под ливнем и немного запыхавшись, ребята умопомрачительно смеялись. Так никто из них не смеялся до этого. На общий сбор они вошли уже одетые и отогретые. Вожатые стояли серьезные, хотя пара из них скрытно улыбались, смотря на ребят. Возможно, никто из них не смог бы так сделать, тем более в их возрасте и с их долей ответственности, или просто завидовали их беззаботности. Ребята сидели большим полукругом в обширном холле, и как только герои последних событий вошли, все взорвалось аплодисментами и криками.

- Тишина! Тишина, я сказала! – прокричала учительским голосом одна из вожатых в квадратных очках. – От лица всего педотряда я призываю вас извиниться перед всеми.

- Простите, – промямлили ребята и тихо сели в полукруг.

– Вы понимаете, что это была из ряда вон выходящая выходка, молодые люди? – сказал, пытаясь показаться заумным, другой вожатый. – После ужина директриса будет ждать вас у себя.

– Черт, опять дышать этим дымом, – прошептал Шарлиев, сделав усилие, чтобы не смеяться в голос: минута была напряженная.

Вечером уже почти по традиции они сидели в том пропахшем дымом кабинете. Директриса выглядела уставшей и даже слегка заикалась, изредка потряхивая рукой с зажженной сигаретой.

– Так, мальчики, – сказала она тихо строгим голосом, – это уже вторая ваша выходка за смену. Что это вы у меня тут удумали творить все что вздумается, а? В Москву захотелось, да? Но к родителям я вас, конечно, не отправлю. Уже до конца смены осталась-то вон... неделя.

Она посмотрела на старый календарь.

– Поэтому будем привлекать обоих как нарушителей к наказанию в виде обязательных работ. Все ясно?

– Да... – ответили они.

– Вот и славненько, я передам вожатым задание для вас. И чтоб больше не нарушать! А то у меня без вас проблем много, еще и с двумя сопляками возиться буду. Оно мне надо? Вот скажите?! – она договорила и снова закурила сигарету.

Мальчишки вышли из корпуса, в котором находился ее кабинет. Горело только ее окно. Вокруг было уже темно. Все было пронизано волшебной магией ночи, и им хотелось куда-то бежать и никого не слушать, в кого-то влюбляться, ругаться, срывать и всячески показывать себя, но они осознавали, что шутить с этой женщиной не стоит. И к тому же она вела себя как мудрая управляющая, несмотря на свои порой грубые высказывания, а поэтому медленно ползли к номеру по привычной тропинке между сосен.

- Исправительные работы... Что-то рано. Я думал хотя бы человека убить для этого надо, - отшутился Шарлиев.

- Что ты несешь?! - рассмеялся Джон, и они продолжили путь молча, думая каждый о своем. Тимур о девочках, которые должны были прийти, а Джон о том, чем бы перекусить. В ту теплую ночь после отбоя к ним в номер должны были прийти девчонки, о которых говорил Макс. Само собой, друзья надеялись, что они будут веселыми и красивыми.

- Глупо было не узнать, кто эти девчонки, Джон, - заметил Шарлиев.

- Да ладно тебе, хоть какие - и то интересно...

Войдя в номер, оба они синхронно плюхнулись со вздохом на свои постели и стали разговаривать обо всем, о чем только можно было представить. Тимур рассказывал про отца и про то, как ходил с ним в походы, а Джон рассказывал про свои первые успехи в спорте, к которому Шарлиев его приучал за эти дни.

- Что это за коробочка у тебя стоит в сумке, Джон?

Тимур указал на небольшую запакованную коробочку, точащую из сумки.

- Это мне мама сунула старое радио. Говорила под него засыпать будет легче.

- Ух ты! Да у тебя мама-то не промах! Его же можно использовать для улучшения романтической обстановки, так сказать... - вскочил Шарлиев и стал разбираться с устройством, отмачивая разные шутки, над которыми Джон заливался хохотом.

- Ты серьезно? Думаешь, что это нам поможет с девочками? - он уселся на постель.

- Ну, я видел так в фильмах делали. И проходило, - разворачивал пленку на радиоприемнике Шарлиев. - Посмотрим, что тут ловит...

Тихо заиграла нежная музыка.

- Это джаз, Джон? - спросил Шарлиев, сломав язык, выговаривая это.

- Не знаю, но мне нравится. Такая успокаивающая, - ответил тот.

- Смачно отвисаем, коллега, - с усмешкой сказал Шарлиев и плюхнулся обратно на кровать.

- А что мне надеть? - начал ходить по комнате Джон в поисках чего-то подходящего.

На дворе была ночь. Шарлиев и Джон были в номере, как и многие другие ребята. Некоторые компании гуляли по территории. Кто-то смотрел телевизор в холлах. Досуг в этом лагере был не сильно разнообразный, а скорее принуждающий выдумывать что-то свое, чтобы развлечься.

- Привет, мальчики, - сказала та симпатичная девушка с дискотеки, вошедшая в номер. За ней зашла ее подруга. Дверь защелкнулась.

- Мы вас ждали, проходите - вскочил с места Джон.

Он стоял прямо, как солдат на утренней поверке. Так он хотел сгладить невероятное волнение. И он, и его друг впервые вот-вот должны были начать самое интимное общение с представительницами прекрасного пола, которое было в их жизни, и поэтому страшно волновались.

- О, это у вас джаз? - спросила одна и села на ближайшую кровать.

- Да, - сказал Шарлиев и сделал погромче старый приемник, который немного шипел.

- Меня зовут Кристина. А это Вася, но она стесняется. Это ничего. Мы же пришли знакомиться, так? - она улыбнулась и поправила волосы рукой.

- Привет, - скромно улыбнулась вторая девушка и моментально покраснела.

- Будьте как дома, - сказал Джон. - Я поставлю чайник.

- У вас есть чайник?

- Мы предусмотрительные парни, - сказал гордо Шарлиев.

Девочки были чуть старше парней, но в целом они держались одинаково. Было видно, что Кристина более раскованна и умело общалась, а Вася по своему обыкновению была девственно стеснительна и краснела при каждом неловком моменте, но была довольно симпатична, с полным лицом веснушек и красивыми хлопающими глазами.

- Может, пойдем гулять? - предложил Джон. - После чая. Как вы считаете?

- Я за, - сказал Шарлиев.

- Мы за, - сказала Вася, помешивая ложкой сухой сахар в кружке. - Знаешь... Шарли... Я видела, как ты подтягивался на турнике. Сначала, честно говоря, я не подумала, что ты такой спортивный. А, кстати, ты умеешь отжиматься?

- Да, - ответил он с привычным тоном.

- А Джон? - спросила Кристина, не сдержавшись.

- И Джон, - ответил Шарлиев.

- Покажите нам! Пожалуйста! Пожалуйста! - закричали обе.

- Так. Ну что, десять сделаем, Шарли? - спросил Джон.

- Да без проблем! - ответил тот, снимая майку.

К тому времени Шарлиев приучил Джона отжиматься после каждого подъема, что дало хорошую подготовку для этого случая. Они приняли упор лежа, пока подружки с восторгом наблюдали.

- Слушайте. А давайте в лесенку поиграем? Вы же спортивные? - предложил стоя в упоре лежа Тимур.

- Это как?

- Ну смотрите, - сел он на пол. - Мы отжимаемся, а вы будете приседать.

- Легко! - сказала Вася, мечтая как-то проявить себя. - Ну а что, мы же тоже огого! - посмотрела она на Кристину.

Девочки встали с кровати и сняли обувь для удобства.

- Готовы? - скомандовал Джон.

Тем временем Макс постучал в дверь, где по вечерам сидели вожатые, обсуждая свои взрослые дела. Пока он стоял, за дверью слышался странный шум. Спустя некоторое время дверь открыла одна из вожатых с небольшой одышкой. Следом вышли двое других вожатых.

- Что тебе, Макс? - спросили они.

- Не хотел бы прерывать вас, но мне кажется, что внизу в одном номере занимаются чем-то непотребным, - сказал он с ехидной ухмылкой.

- Что ты имеешь в виду?

- Думаю, у них там секс.

- Боже, уже отбой, парень, иди спать, - бросил один из вожатых, застегивая пуговицу на рубашке.

- Нет, подожди. А откуда ты об этом узнал? - сказала девушка.

- Я слышал характерные вздохи за дверью.

- Какой дверью, их? - спросил другой вожатый.

- Да. Их, - ответил Макс.

– Так. Дайте-ка угадаю. Шарлиев и Джон? – спросил один из них.

– Да. Они, – ответил Макс.

– Понял. Идем к ним. Я их домой сегодня же отправлю. Они мне смену срывают! – в гневе спешно пошел к лестнице один из членов педотряда. За ним отправились еще несколько. В коридоре сидели другие вожатые, которые присоединились к походу вниз. Сначала все пошли перекурить. Макс гордился, что может стоять с вожатыми и курить, ведь он бы старше, чем многие участники. Он желал поставить на место Шарлиева и «его собачку Джона», как он говорил. Дроган планировал, что их застукают в самый неподходящий момент. Послышались шумные тяжелые шаги. Откуда ни возьмись появилась директриса в бигудях. Она готовилась ко сну, но кто-то ей сообщил о происшествии. Очередной день выдался сложным, и она была вне себя от негодования, что ее потревожили, буквально как медведь-шатун.

– Если это правда, я вас всех завтра же вышлю из лагеря. Всем ясно?! – в ярости заявила она и ткнула пальцем кому-то из вожатых в грудь.

Весь педагогический отряд во главе с Мариной Геннадьевной поспешил в номер к ребятам. За ними шел Макс, ожидая всемирный разгром похотливых подростков. Подойдя к двери, все прислушались.

– Давай! Еще! Ах! – кричал женский голос.

– Поднажми, парень! А! Я больше не могу! – отвечал мужской.

Все стоящие за дверью переглянулись между собой, как в мультфильме про Скуби Ду.

– Ну, от них я такого точно не ожидала! – не сдержалась директриса и ворвалась первая в номер.

Было около 8 человек, включая Макса, которые с остолбенением наблюдали за действием, происходящим в комнате. Горел приглушенный свет, играла американская музыка старых годов. Джон старался выжать последние разы себя от пола, Кристина на дрожащих от усталости ногах низко присела и пыталась

встать, а Шарли с Васей на плечах с легкостью приседал. Она же его подбадривала и изредка заливалась тихим смехом от новых ощущений.

– Что здесь у вас происходит? – недоуменно спросил один из вожатых, сложив руки перед собой. Все четверо обернулись и от потери концентрации упали кто на кровать, а кто – на пол, как Шарлиев, после чего почти синхронно глубоко вздохнули.

– Спорт. У нас здесь... спорт.

– Марш всем спать! Завтра будет спорт, а сейчас по комнатам! – скомандовала директриса и разогнала всех зевак. – Дурдом какой-то!

Все разошлись. Утро началось с боли в мышцах, но им это даже нравилось, поэтому зарядку ребята не пропустили. Все подкрепились уже любимейшей местной кашей и пошли на речку.

– Я с таким кайфом сейчас залечу в холодную воду, дружище, – сказал Шарлиев.

– Я быстрее! – ответил Джон, моментально сбросил с себя майку и побежал первый.

Во время купания к ребятам подплыли Кристина с Васей. Все четверо громко смеялись, бросали мяч и загорали. К ним присоединялся народ из лагеря. Шарлиев и Джон одновременно увидели Макса с его компанией старших, которые зачем-то направлялись за гараж, и вспомнили про вчерашний вечер.

– Он же стоял вчера среди тех, кто к нам вошел, понимаешь, что это значит, Шарли? – спросил Джон.

– Мы должны устроить ему взбучку, старик.

– Или подставу?

– Или подставу. Так меньше следов.

Спустя какое-то время к ним подошел один из вожатых и сказал, что нужна их помощь в покраске забора. После обеда нужно было подойти к директорисе на выдачу реквизита для выполнения работы. Также ходили слухи, что этой ночью вожатые задумали сводить ребят в поход. Это вызывало крайнее волнение и интерес среди подростков. Ночь априори загадочна и полна неизвестности, а если это еще и повод не спать, а может, и попугать друзей, вот что действительно вызывало восторг среди участников. Кто-то боялся, кто-то хотел наконец-то поесть жареной картошки с сосисками на костре и послушать, как играют на гитаре. В общем и целом, у всех были разные намерения на предстоящий поход.

Пока друзья красили забор в наказание за выходку под дождем, компания из старших решила продумать подставку для Джона с Шарлиевым. Макс и остальным не нравилось, что многие девочки говорят об их спортивных приключениях, а не о сигаретах и тусовках в заброшенных корпусах пансионата, как было раньше. Кто-то даже начал бегать по утрам. Это казалось глупым для них. Идея была высказана лично Максом. Нужно было каким-то образом заставить их понять, кто хозяин. Ставка была сделана на невнимательность вожатых. Компания из старших ребят пользовалась авторитетом у последних, поэтому они решили пойти найти место для избиения двух товарищей.

– Эта краска брызгает мне на лицо, – сказал Шарлиев, ведя кистью по металлическому забору.

– И мне. Ну и что? Думаю, что она смывается, – отвечал Джон хохоча. – Будем с тобой как индейцы.

– Посмотри на меня. Похоже, будто ты болеешь ветрянкой и кто-то тебя зеленкой намазал.

– Ничего, я думаю, что красота не главное наше преимущество. Верно, Шарли?

– Ну не знаю. Сегодня же этот чертов поход. Там будет весь лагерь.

– Ты не хочешь туда идти? – спросил Джон, макая кисть в краску.

– Я до чертиков боюсь ночи. Ненавижу ее. А нас еще и в лес заставят идти, – рассказывал Джон.

- Не бойсь, парень, справимся. С нами ведь будут вожатые и защитят тебя от ночных волков.

- Волки? Там есть волки?

- Не знаю, - хохотал Тимур. - Я там не был. Но мой отец учил, если в тебя вцепится злая собака, ее нужно душить. Думаю, с волками тоже сработает.

- Ты что, супермен? - отвечал Джон. - У меня такой силы нет...

- Так почему ты ночи-то боишься?

- Ну, это долгая история...

- Мы не спешим, как видишь.

- Ну, суть в том, что однажды я был дома один. Тогда мы жили в деревенском доме.

- Уже страшно, - прошептал Шарлиев. - И туалет на улице?

- Закрой рот, - Джон посмотрел на друга выпученными глазами. - Так вот. Я сидел дома один, а родители были в гостях у друзей. Я смотрел какой-то фильм про вампиров. Но их я не боюсь, потому что знаю про кол и чеснок.

- Так. Все правильно.

- Было поздно. И я уснул на диване. Просыпаюсь от стука в дверь. Лежу в темноте в гостиной. Свет не горит, хотя я его не выключал. Я подумал, что приехали родители, и мама выключила свет. Поднимаюсь к ним в спальню на второй этаж. Можешь себе представить, там никого нет, а в окне треплется какая-то птица! Господи, я чуть в штаны тогда не наделал. Я кое-как ее прогнал обратно в окно. Была зима, и из-за этого потом было ужасно холодно. Я закрыл форточку. Стук продолжается... Что делать, думаю. Я закрылся в ванной и проспал там до утра. Меня разбудила мама и спросила, почему я спал там, а не в постели. Я не знал, что ответить. Когда я выходил из дома, то у крыльца

в кустах я увидел следы от грязи, которые вели в наш сарай. Но, зайдя туда, я никого не обнаружил. С тех пор я ненавижу ночевать один. Постоянно какие-то странности происходят.

– Да. Жуткая история. Но ты не думал, что свет не мог сам выключиться? Может, пробки выбило или как-то так... Слушай я устал это делать, давай обольем краской забор и скажем, что все готово.

– Да нет, нас же опять накажут. Я докрашу, можешь прилечь вон на травку и что-нибудь мне рассказать. Покраска забора – дело творческое. Я доделаю, – сказал Джон и продолжил малевать.

– Как скажешь, – сказал Шарлиев, вырвав травинку и положив ее в рот.

– Шарли, а ты знаешь, кстати, что самая живность на траве собирается в самом сладком ее месте?

– Знаешь, иногда ты очень занудлив. Пусть там и куча микробов, но они ведь тоже мясо! – рассмеялся Шарлиев и продолжил жевать сладкий конец травинки.

Покраска шла немного медленнее, потому что Шарлиев то лежал на траве, то присоединялся к Джону, но через час с небольшим они все же закончили. Не спеша пришли в кабинет директрисы и сказали, что работу завершили. Вскоре, убедившись, что работа выполнена по совести, она отпустила ребят в номер, дав в придачу немного ее личных сушек. Придя в номер, друзья, разморенные солнцем, упали спать.

Часть 2

2005 год

– Эй, щенок, вставай, – шлепал ладонью по лицу мальчика его отец. – Ты не охренел ли тут спать, когда я дома?

Мальчик привстал на кровати, на часах было два ночи. Над ним стоял пьяный отец и бил его ладонью по щекам.

– А ну встал и пошел мыть посуду. Я сказал: пошел! – отец отправил его на кухню, отвесив пинок под зад. – Ты думаешь, мамки твоей нет, я тебя жалеть буду? Мужиком надо быть, – шел тот, шатаясь, за сыном.

От него пахло спиртом и чем-то еще. Он закурил и сел за стол на кухне. Мальчик встал и начал мыть гору двухдневной посуды, стоя босиком.

– Вот как надо время проводить, говнюк, а не спать лежать. На том свете отоспимся, сынок. Я из тебя мужика-то сделаю! – путался в словах отец, уже наливая себе новую рюмку. Я в твои годы уже шить умел, все сам делал! А тебе одиннадцать лет и вон, как сопля тонкий. Я уже баб имел, а ты и куска дерьма не стоишь.

– Мне двенадцать! – сказал обиженно сын и сразу получил по лицу старой банкой из-под пива со стола.

– Я лучше знаю, понял меня? Спиногрыз! Я для тебя деньги зарабатываю, на этом чертовом заводе Кировском, вкалываю, чтобы ты пререкался тут стоял? Неблагодарный мешок с дерьмом.

Отец собрал мокроты и плюнул сыну на спину. У мальчика побежала слеза по щеке, но он не показывал этого. Его отец ненавидел, когда кто-то плакал. «Мужчина не может плакать», – говорил он.

– Ты мне лучше новенького чего-нибудь расскажи, щенок, как ты в школе там? Девка-то есть уже? – смотрел на него тот. Он же, не отвечая, домывал посуду и утирал слезы рукой.

– А, смотри-ка, у него уже и девка есть! Молчит – значит, любит, да, щеночек? – улыбался мужик большим неприятным ртом, почмокивая после ужина. Мальчик домыл посуду и направился в комнату. Отец успел схватить его сильно за руку и сказал: «Я тебя не отпускал никуда, щеночек, поговори с папкой-то». Подросток собрался с силами.

– Я! Не! Щенок! Я! Максим! – прокричал он и плюнул отцу в лицо.

– Ах ты свинья! – схватил его отец за шею. – Я же тебя тут и придушу, лягушонок, что ты мне сделаешь? А? Кишка-то тонка у тебя! Когда своих детей родишь и над ними сможешь издеваться, а теперь пойдём в комнату, я тебе игрушку одну покажу.

Тот потащил его в комнату.

На столе лежал кухонный нож, и Максим успел его прихватить, пока отец проходил в узкий коридор.

– Я тебя воспитал, щенок! Я тебе покажу, что надо делать, когда дети плохо себя ведут, – кричал тот и тащил в комнату сына.

Тогда для паренька его бабушка была единственной любимой родственницей. Она иногда заезжала и заботилась о нем, привозила гостинцы, от нее всегда пахло теплом и выпечкой. Макс ее сильно любил, но потом ей срочно нужно было поехать на операцию, откуда она уже не вернулась. Когда та в последний раз навещала их, то привезла новый связанный вручную коврик с красными узорами и положила его перед входной дверью. Этот коврик в силу новизны материала хорошо скользил по деревянному паркету в квартире и, когда отец уходил на смену и закрывал его дома, Макс любил на нем кататься по полу как на фанере по льду. В ту ночь отец решил проверить, закрыта ли входная дверь, и потащил упирающегося сына за собой. Дернув дверь с силой, он убедился, что та была хорошо заперта, и сказал: «Ну уж теперь ты никуда не денешься, щенок». Отец тянул подростка за собой, а тот упирался в дверные проемы в квартире и всячески препятствовал тому, чтобы попасть в его комнату. Идя по коридору от входной двери в свою комнату, пьяный отец наступил на тот бабушкин коврик, а так как его сын дергал то вправо, то влево, он поскользнулся и со всего размаха упал виском о старый лакированный комод в коридоре. Мальчик отскочил от испуга. Он не знал, что делать.

Прошло некоторое время. Отец все лежал бездыханный в коридоре, а Максим все это время стоял над ним остолбенев. Он сильно испугался, а потом бросился бегать по пустой квартире. Он смеялся, пинал бездвижное тело отца, носился вокруг, кричал и хохотал, потом плюхнулся на кровать и стал рыдать. Он сам не понимал, чего боялся больше, что отец проснется и накажет его либо что он умер. Видимо, будучи еще слишком молодым, он и сам этого не понимал. Он был психически травмирован, но догадался позвонить в скорую. Когда машина прибыла, Максим рассказал все, как видел, опустив деталь, что его тащили

за руку. Фельдшер прощупал пульс и констатировал смерть. На виске уже появлялась характерная гематома.

Через неделю Макса определили в детский дом там же в городе Кирове, где он рос со сверстниками, оказавшимися там по аналогичным причинам. В том учреждении находились разные дети от мала до велика. В их детдоме было и много ребят, кто был старше его на два-три года. Они постоянно задирали Максима и играли на его доверчивости, на том, что тот не понимал, когда им верить, а когда – нет. Бывали разные ситуации, когда они звали его куда-то, а потом выставляли виновным, хотя тот и понятия не имел, что ими было сделано. Надсмотрщица не любила его из-за какой-то личной неприязни, часто обращалась с ним неподобающим образом и наказывала. От всего этого стресса у подростка началась кожная болезнь, которая в дальнейшем так и не прошла.

В детском доме он пробыл около семи месяцев, после чего его нашли чудесные родители и решили усыновить. Они увезли его в столицу, дали ему дом, уют, заботу, но в своей небольшой московской квартире почему-то не прописывали. В нем оставалось все, что он пережил раньше. Все беды словно висели над его головой. В школе он вел себя в целом неплохо, но случались и разные случаи насилия с его стороны. Он любил оскорблять младших сверстников и иногда задибался, но родителей это почти не волновало. Отец в его новой семье говорил, что «для мальчика это нормально», нужно уметь за себя постоять. А мама была занята своей работой и лишь поверхностно занималась Максимом. Иногда они выезжали на природу, отдыхали где-то вместе, но с каждым разом всем троим становилось понятно, разговоры не клеились: разговаривать им было не о чем.

Тогда, расспросив знакомых, отец нашел один лагерь, куда можно было отправлять ребенка на целых три недели. Это стоило не слишком больших денег, но и по отзывам место было неплохое. Посоветовавшись, приемные родители решили, что ребенка надо социализировать, правда, они не знали, что социализация Максима уже прошла, годами раньше, на младших детях. Два взрослых человека немного устали от вечной заботы об их сыне, который так холодно на все реагировал. Они были рады, что могут хоть как-то угодить сыну, осознав, что ему нравится в лагере. Его стали отправлять туда каждое лето и на несколько смен подряд, где он нашел себе компанию.

Понимая жизнь получше сверстников из-за всего, что он пережил, Дроган там был в роли закулисного лидера. Ему это очень нравилось. Своей хитростью,

полученной за годы не самого хорошего опыта, он видел многое, что не видели вокруг другие дети. Компания собралась из таких же ребят, один из них был сыном наркомана, у другого отец сидел и так далее. Познакомившись, эта группа ребят ничем полезным не занималась. В основном они бегали курить и пытались привлечь внимание новеньких девчонок своим странным поведением, но спустя какое-то время уже старались заслужить себе авторитет на правах старших среди вожатых и остальных детей. Лагерь «Сверчок» был для Макса своего рода волшебной пилюлей, от которой он на время забывал все, что было до этого. Он и о возврате в Москву не думал. Лагерь играл важную роль в его жизни, как ни странно, социализация подростка так или иначе продолжалась. К моменту встречи с друзьями ему было уже шестнадцать лет. Шарлиеву с Джоном же было по четырнадцать. В их возрасте этот срок играет роль. Этим Максим и любил пользоваться. Он примерно знал желания его сверстников и играл на этом: он хотел видеть людей насквозь.

Глава II

Часть 1

Август 2009

После покраски забора ребята мирно спали в номере уже не первый час из-за сильного солнца, разморившего их. Вечер приближался. Дверь в номер неслышно открылась. Вошла Кристина и села на кровати у Джона, незаметно прокравшись. Она мирно листала какой-то свой журнал, достав его из рюкзака, надушившись сладкими цветочными духами, чтобы перебить запах сигарет. Ей определенно нравился Джон. Он был наивен, но обладал особенным обаянием. Девочка уже и не скрывала этого особо, лишь жаждала идеального момента, когда сможет это как-то красиво показать.

– Проспали ужин, как вы же так, мальчики? – эффектно разбудила обоих Кристина с ухмылкой на лице.

– Сколько это мы спали? – спросил Джон, свесившись с кровати и потянувшись, словно кот.

– Ну, вообще-то там все в поход всю собираются... А что у вас двоих зеленое на лице? – спросила девушка.

- Уф! Надо бежать, - вскочил Джон. - Я в душ!

- Дверь не закрывай, я приду умыться, чтобы времени не терять! - сказал тому в след Шарлиев, встал и начал спешно собирать рюкзак в поход.

- Ты чем-то расстроен? - спросила его Кристина.

- Нет, все нормально. - ответил он.

- Вася про тебя спрашивала, хотела поговорить о чем-то...

- Так что же она сама-то не пришла?! - повысил голос Шарлиев.

- Не... знаю... пожалуй... я не во время... я пойду. Буду ждать вас там, - сказала удивленно она, положила журнал в рюкзак и вышла из номера ребят.

Послышалось милое пение из душа.

- Ох, да он еще и в душе поет... с ума сойти, - проворчал себе под нос Шарлиев и кинул в рюкзак сушки Джона из холодильника, про которые тот уже забыл. Он ходил по комнате и взволнованно собирал что-то, что, на его взгляд, пригодится в походе.

- С легким паром, Джон. Быстро ты, даже «Титаник» не допел.

- Спасибо, - сказал тот, выйдя из душа. - Потом допою, нам надо поспешить, все уже перед корпусом.

Шарлиев спешно смыл краску с лица, и они впопыхах выбежали из номера, оглядев всех. Вожатые уже вывели и построили ребят перед корпусом, чтобы посчитать перед походом в лес. Присутствовавшие нарядились максимально походному: кепки, длинные штаны, толстовки и рюкзаки, из которых торчали различные средства от комаров и бутылки с водой. Ребята предвкушали небольшое приключение, что вырвет их из пресловутых стен старой базы отдыха.

Колонна была разбита по парам. Все начали движение: по группам проходили в калитку за одним из корпусов, направляясь в самую глубь леса. Идя по лесной тропе, можно было отследить ранние перемещения старших по кучкам бычков, разбросанных ими всюду. По дороге вожатые рассказывали какие-то смешные истории, подсвечивая дорогу фонариками, так как уже начинало постепенно темнеть. Все держались вместе. В конце по правилам шли две вожатые-замыкающие, чтобы никого не растерять в лесу, старшим ребятам тоже раздали несколько фонарей для надежности.

Спустя полчаса весь лагерь пришел на широкую поляну. Место было открытое и просторное, рядом протекала река, в заводи которой все купались, но то место было территориально повыше. Посередине виднелся след от костра. Птицы уже перестали петь, стрекотали только сверчки. Казалось, что у этих сверчков началась вечеринка, а люди им только мешали. Все начали устраиваться. Часть вожатых ставила палатки, а другая – пыталась разжечь костер. Как выяснялось, ставить палатку и разжигать костер никто особо не умел, и это получилось сделать лишь спустя некоторое время, но для детей это было не так уж и важно, ведь они играли, болтали друг с другом, бегали вокруг, старались в чем-то помочь старшим и вожатым.

В центре уже трещал костер, вокруг него, уютно усевшись на походные пенки, все и разместись. Картошка уже была завернута в фольгу, а кто-то из ребят достал привезенный родителями на днях зефир, который решили поджарить на палочках. Один из вожатых встал и набрал воздуха. Со временем все было обустроено.

– Ну что ж, – выдержал он театральную паузу, – вот мы и на месте, сидим, уютно устроившись на этих пенках. Я так скучал по всему этому. Дети, почаще приезжайте в наш лагерь. Ведь здесь атмосфера спокойствия, а не то что там в городе... – вожатого понесло в душевные мысли о жизни, природе, детях и далее по списку, но вскоре кто-то из его коллег прервал эту речь.

– Чтобы поднять градус душевности, я принес гитару, – сказал кто-то с другого края круга и все радостно зашумели.

Присутствовавшие похлопали, гитары там и правда не хватало. Вскоре зазвучали всем известные песни, и народ начал подпевать, изредка перекусывая доставшейся картошкой.

Шарлиев с Василисой сидели вместе. Она старалась как-то поближе к нему подсесть. Сама того не осознавая, она была влюблена в этого сухопарого парня, но не могла никак в этом признаться, прежде всего самой себе. Она искала его каждый день, старалась незаметно посмотреть, чтобы тот не заметил. Это происходило с ней впервые, она толком не могла себе отдать отчет в том, что это та любовь, про которую она смотрела фильмы, про которую ей рассказывала ее мама и старшие девочки. Вася в тайне мечтала его поцеловать или чтобы он ее хоть обнял, но по правде говоря, он и сам не знал, как это нужно делать, и старался отсрочить момент, хотя она ему тоже нравилась.

Джон и Кристина сидели рядом и всю уже ворковали. Он понимал, что смена скоро закончится и надо брать быка за рога. Ему с ней нравилось проводить редкие моменты, подобные этому, в которые он лез ее целовать, что она, впрочем, любила, ничем не отличаясь от других девушек во всем мире. Это была буря чувств, так усилившаяся в последние дни. Джон почувствовал, как сильно он изменился за эти две с небольшим недели. Уверенность, пришедшая из-за выходок Шарлиева, сделала из него почти другого человека. Он перестал постоянно есть, стал заниматься спортом в пределах его возможностей и даже стал как-то по-другому разговаривать.

Обе их новые подруги были из более взрослых компаний, но Джону и Шарлиеву по возрасту были почти ровесницами. На одной из пауз между душевными песнями Дроган и старшие ребята подозвали Джона с Шарлиевым и предложили прогуляться. Шарлиев взял свой рюкзак, а Джон жадно укусил последний раз свою запеченную картошку и выбросил кожуру с фольгой в мусорный пакет, висящий на дереве.

– Слушай, Шарли, может, не пойдём туда? – спросил боязливо Джон. – Мне это как-то не нравится.

– Не бойся, не вижу в этом ничего такого, – ответил тот и последовал за компанией.

Они прогулочным шагом отправились в лес. Было темно, но у старших имелась пара фонарей. Над головой висела полная луна, навивавшая разные странные мысли и страхи из разных фильмов, страшных историй и тому подобное. Но все же ночь была красива, тепла и дарила свои узоры из упавших деревьев, сквозь которые пробирались ребята.

– Но куда все-таки мы идем? – спросил Шарлиев.

– Да так, пройдемся, место вам одно покажем, – скрытно ответил Макс.

Джон смотрел на темные кроны деревьев, любовался ночным звездным небом, думал о далеких от реальности вещах. Он был буквально поглощен деревьями, запахами, сырым воздухом чащи и ночной магией, как он рисовал себе ее в голове, начитавшись разных книг про волшебные миры и чудесных фей леса. Шарлиев же настороженно следовал по пятам за старшими ребятами, буквально нога в ногу. Засмотревшись наверх, Джон не заметил небольшую возвышенность, которую обошли все ребята, идущие спереди, в том числе и Шарлиев. Все обернулись, услышав грохот и глухой крик. Джона больше не было видно сзади. Шарлиев побледнел и бросился искать яму, в которую угодил его друг. Нащупав рукой какую-то пустоту в земле, он посмотрел вниз в надежде найти провалившегося, но там было глубоко и темно.

– Надо ему помочь! Вы куда?! – закричал Шарлиев.

– Я думал, вас придется бить, но, кажется, вам хватит и ночевки в лесу, козлы малолетние, – жестоко сказал один из старших со смехом, уже направившись обратно к месту походной остановки лагеря.

– Джон! Позовите на помощь, уроды! – прокричал Шарлиев и получил по лицу с кулака от одного из старших, идущего последним.

– Джон! Джонни! Ты жив?! – продолжал кричать в яму друг весь в слезах.

В ответ было молчание.

– Где вы были? – спросил вожатый ребят, только вышедших из леса. – Опять курили? Ну-ка дыхните! Только не мне, а... вон... Полине, – он указал на другую вожатую, которая показала ему после этой фразы скрытый фак.

Ребята уселись к костру и стали мирно проводить время, как раз попав на свежую порцию поджаренной картошки. Песни звучали и веселые, и грустные, всем нравилось такое препровождение времени в лагере за пределами территории старого пансионата.

– Слушай, Вась, – обратилась к подруге Кристина. – Как у тебя дела с Шарлиевым-то?

– У нас ничего нет. Мы просто болтаем иногда и все. Он рассказывает мне какие-то свои заумные штуки, не то что твой Джон...

– А ты любишь его?

– Нет. Точно нет, – испуганно ответила Вася.

– Да?... ну ладно. Ничего, – найдешь кого-нибудь еще, хотя уже скоро конец смены. Подумай, – подмигнула подруга.

– Отстань, что ты докопалась ко мне?

– Да я просто спросила! Не хочешь, не делай ничего.

Кристина обиделась и отсела правее от подруги.

Вася вышла из круга, в котором сидели ребята и вожатые, распевая песни. Она пошла к палаткам и там залилась слезами. «Почему у меня постоянно все не как у людей, разве я заслужила такое...?!» – шептала она, спрашивая себя, в слезах. Ей было тяжело сдержать себя: с каждым днем она все сильнее влюблялась в своего первого мальчика, с которым встречалась, как ей тогда казалось, в груди все сжималось. Слезы лились градом. Все вокруг были как будто чужими: ничего не понимали. Так Василиса интуитивно нащупывала свой путь к двери с надписью «Первая любовь». Что еще никогда никого не приводило к успеху. У нее не было почти никакого опыта в сердечных делах, поэтому так больно: что-то в первый раз ее как будто резало изнутри. Она рыдала. Так сильно в первый раз. Из-за какого-то мальчишки.

– Что это с ней? – спросил кто-то Кристину, указав на Васю, стоящую в стороне спиной ко всем.

– Какая мне разница. Она разговаривает как бешеная, – фыркнула та и продолжила петь песню.

– Ну ладно, – подмяв губами, ответил парень и тоже присоединился к всеобщему веселью.

Было темно, фонарей никто, конечно, не оставил. Шарлиев сидел над ямой и думал, что делать. Хорошенько оценив ситуацию, он решил спуститься вниз. «Он может быть изувечен и истечь кровью, пока я пойду искать помощь» – эта мысль вертелась в его голове. Он собрался с силами и начал спускаться прямо в темную яму, упираясь ногами в стены колодца. Сначала у него получалось, но потом его ноги соскользнули, и, закричав одно характерное для русского человека в такой ситуации слово, он просто рухнул вниз. Очнувшись через некоторое время, Тимур огляделся. Глаза уже приспособились ко тьме, и можно было различить гору старых листьев, веток и чью-то вонючую тушу, на которую он приземлился. «Ох... Так, судя по запаху, это не Джон. Он не мог так быстро здесь сгнить», – подумал Шарлиев и случайно усмехнулся. Он встал и увидел Джона, который, видимо, упал, затем прополз куда-то в сторону и от страха вновь отключился.

– Джон! Сука! Ты меня так напугал! Ты жив? – прокричал Шарлиев, подбежав к другу. Он сел на корточки над ним.

– Дружище, где мы? – спросил тот кряхтя. Он потер лоб рукой.

– Не знаю пока, надо осмотреться.

Шарлиев посмотрел вверх, где виднелось темно-синее звездное небо и сосны. Оттуда они и приземлились. Это был старый водосточный тоннель, забытый еще со времен СССР. Его с тех времен не чистили, и он зарос мхом и перегноем от листьев и животных, попавших туда за несколько десятков лет.

– Шарли, что у тебя в рюкзаке? – спросил Джон, медленно пытаясь подняться.

– Точно! Рюкзак! – воскликнул тот и моментально открыл его. Там был фонарь, сушки и еще какие-то вещи.

– Ай! – закричал Джон. – У меня нога ранена? Я что, умираю? Скажи мне, что я не умру в этом грязном месте! Я не хочу здесь умирать! – запаниковал он.

– Джон, Джон, закрой рот, дай мне посмотреть, – сказал Шарлиев и посветил на ногу Джону. В ноге торчал железный прут. – О черт!

– Что там? Что ты там увидел?!

– Не смотри, не смотри сюда. Сейчас все будет, – сказал тот и принялся искать что-то в рюкзаке.

– Что ты ищешь? У меня что-то в ноге? О черт! Я тут сгнию! Как та туша какой-то твари, попавшей сюда! – вопил Джон;

– Да заткнись ты, – сказал Шарлиев и, разодрав футболку из рюкзака, стал промывать рану. – Сейчас пощиплет немного.

Джон завопил.

– Откуда у тебя это с собой? – спросил Джон вытирая слезы.

– Это мой папа меня научил. Всегда брать перекись водорода в рюкзак.

Шарлиев вытащил прут, благо, тот вошел не глубоко. Промыл рану и, словно прирожденный фельдшер, перевязал ногу другу.

– Идти можешь? – спросил он его.

– Да, черт, но болит адски, – ответил Джон.

– Как ты это все...?

– Я могу все, – рассмеялся Шарлиев и обнял друга за плечо.

Шарлиев с Джоном на плече поковыляли искать выход. Под ногами журчала вода. Ребята придумали пустить кораблик и проследовать за ним по течению. Этот фокус и привел их в конце концов к выходу из старого скользкого тоннеля. Джон периодически начинал паниковать и кричать, но Шарлиев его приободрял и даже в один из разов шлепнул его по лицу ладошкой, чтобы прекратить его

истерике. Выход оказался ниже по уровню, чем обратный путь, поэтому друзьям пришлось забраться в гору, что тоже стоило им многих усилий.

Тем временем лагерь начал не спеша собираться обратно на территорию базы. Постепенно удобно обустроенное место для отдыха превратилось в обычную лесную поляну с кучей набитых походных мешков. Вася по-прежнему стояла одна лицом в лес и не могла остановиться рыдать. Вдруг она моментально замолчала, увидав, как Шарлиев весь в грязи и вонючей тине тащит хромящего Джона в таком же виде на плече. Она закричала, чтобы присутствовавшие обратили на них внимание. Все столпились посмотреть на происходящее.

- Где же ты так, Джон? - спросили его ошеломленные вожатые, подбегая и перехватывая его с плеч Шарлиева.

- Гулял в лесу, - ответил Джон, смотря в упор на компанию старших ребят, стоявших рядом в недоумении и даже некотором испуге.

- Может, он Бэтмен? - шепнул кто-то из них другому.

Все участники благополучно вернулись в лагерь. Пролетели последние дни смены. В воздухе уже витала грусть расставания с беззаботной атмосферой лета, а вместе с тем тоска в связи с началом учебного года.

В последний вечер Джон был на перевязке, где рядом с ним сидела Кристина, изредка выбегая курить за небольшое здание медпункта. Тимур тогда лежал один в номере и вдумчиво читал одну из книг по истории, качая ногой. Послышался тихий стук в дверь. В номер вошла Вася в легком летнем платице и села к нему на кровать.

- Привет, - она улыбнулась.

- Привет и тебе, милая девушка, - ответил Шарлиев.

- Читаешь? - спросила Вася.

- Уже перестал.

Он захлопнул книгу и сел на постель.

- Вот скажи, тебе грустно уезжать?

- Нет.

- А мне вот грустно. Прежде всего из-за того, что мы, может, никогда больше не увидимся ни с кем. Даже с тобой, - скорбно сказал он.

- Как это - совсем? - спросила та.

- Не знаю. Я не уверен, что приеду сюда, ведь это как мама скажет.

- Ясно.

Она отвернулась к окну и задумалась.

- Вась.

- Что? - ответила она, не оборачиваясь.

- Ты знаешь, что я очень привык к тебе. За это время мы хоть и не так много были вместе, но знай, что я очень рад, что мы познакомились.

- Что ты хочешь сказать? - застенчиво спросила она.

- Ничего такого. Просто вот, возьми, - он снял свой браслет с драконом и отдал ей с легкой улыбкой. - Я буду знать, что дракон тебя защищает от злодеев, пока меня нет рядом.

- Я не могу его взять, ведь он твой.

- Возьми, это на память, - настаивал Тимур.

- Хорошо, знай кое-что: ты мне нравишься. Вот, возьми взамен вот это.

Она сняла кулон с черным камушком с шеи и отдала ему.

- Пусть этот камень тоже тебя защищает. Ладно?

В ее глазах заиграли искорки.

- Да. Я его буду носить с собой.

- Носи.

- Вась.

- А?

- Я тебя найду после смены. Обещаю.

- Правда?

- Даю слово.

Джон кряхтя вошел в номер и шумно упал на кровать.

- Ох, черт, как же я устал ковылять... - сказал он.

Вася вышла из номера, тепло посмотрев Тимуру напоследок в глаза. Джон так и не смог провести последний медленный танец на дискотеке с Кристиной, но он точно знал, что это не последний раз, когда он приехал в тот лагерь. Эта смена подарила ему настоящего друга, который спас его в лучших традициях боевиков, которые он так любил смотреть. За эти три недели он нашел и свои первые чувства, пусть они и закончились сразу же после смены, потому что Кристина была из другого города, но тем не менее. Ночью, когда все бегали и тайком мазали друг друга пастой по общей лагерной традиции, друзья закрылись в номере и сели в окне, свесив ноги на улицу.

- Ты что это, курить начал? - воскликнул Джон.

– Балуюсь, дружище, – ответил с задором Шарлиев, поджигая сигарету. – У старших сегодня украл. Хоть какая-то месть за все эти страдания, черт их дери.

– Я хотел сказать тебе кое-что.

– Говори.

Тимур ехидно посмотрел на друга.

– Тут в общем... Такое дело...

– Так.

– Я хотел сказать, – мямлил Джон, доставая себе тоже сигарету.

– Ты, в общем, мой лучший друг, Шарли. Я знаю, что мы знакомы всего три недели и все такое, но за это время ты был мне предан как никто. Как мой пес, который на даче у меня был. Только ты лучше.

– Ух ты, я лучше собаки. Отлично, – пошутил Шарлиев, затягиваясь сигаретой и тихонько смеясь.

– Да нет, ты не так понял. Преданность собак – это просто лицемерие. Они так корм просят с утра до вечера, а мы, наивные, думаем, что они нас любят. А ты просто меня поддерживал. Был рядом. Старался всегда помочь. Черт, да я в долгу перед тобой за все, что ты сделал за эти три недели.

– Да не стоит, Джонни. Ты же знаешь, что ты мой друг, а друзей не бросают.

– Не любой бы так сейчас сказал, а только Шарли. Мой лучший друг.

Ребята крепко обнялись и еще целую вечность бы просидели, болтая ногами и неумело куря сигареты, но в один момент вошел вожатый и прогнал их спать.

Приехав со смены в Москву, ребята узнали, как оказалось, что живут они в соседних домах, и это было действительно потрясающей новостью. Так началась их долгая дружба. Впоследствии, они продолжали летние заезды на смены «Сверчка», где уже сами были старшими и приучали новых ребят к чести и ответственности над поступками. Шарлиев тогда занимался спортом и приучал бегать по утрам Джона, но тщетно. Марина Геннадьевна не раз признавалась, как ими гордится, и ставила их в пример многим вожатым. Она предлагала и им стать вожатыми, когда они подросли и возмужали, ведь так сложилось, что, закончив школу, они вместе пошли учиться в педагогический и идеально по всем формальным и юридическим деталям подходили на роль педагогов в «Сверчке». Но они не хотели этим заниматься. Им была интересна другая жизнь. Начался институт, который привнес много нового в их жизнь.

Часть 2

– Круто эти олухи остались в лесу. Пусть там и сгниют. Может, научатся старших уважать, – сказал парень небольшого роста. Компания из старших возвращалась по лесу к лагерю, обсуждая случившееся.

– Стойте, – встал на месте Макс. – Может, надо им помочь? Все-таки это лес, пацаны...

– Ты что, боишься за них, Дроган? – ответил один из его друзей. – Делай дела до конца! Никакой пощады для сопляков! Они заслужили это. Пусть теперь там ночуют.

– Да, слушай, Макс, они своим мамам по пейджеру сообщат, и те их спасут на вертолете в два счета, – подшутил еще один из них, и компания залилась громким смехом на весь лес.

– Нет, я вернусь, – сказал Макс.

– Да иди ты в задницу. Может, поплачешь тут еще, как щеночек? – бросил ему один из новичков, приехавших с новым потоком на ту смену, но быстро влился в их компанию из-за умения грубо разговаривать и своей общей внешней дерзости.

– Стоп, стоп, Мишань, подойди-ка ко мне на секунду, – сказал Макс последнему.

– Чего такое? Поплакать с тобой может о двух говнюках, которые заночуют в этом гребаном лесу? – отшутился тот, переглянувшись со своими друзьями в стороне. Он не спеша подошел к Максиму.

– Повтори-ка, как ты меня назвал? – сказал с улыбкой на лице Дроган и мигнул глазом.

– Щенком? Да я же шутя, дружище, – начал давать заднюю тот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/dostoevskiy_anton/ya-mogu-vse-istoriya-zhizni

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)